

Виктор Фёдоров
Святая
Екатерина

Роман

Виктор Филиппович Фёдоров

Святая Екатерина. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38613225

ISBN 9785449355270

Аннотация

В книге (первой части) рассказывается о жизни крестьян, помещиков и деревенской молодёжи до революции 1917 г. в Тамбовской губернии России. Основная тема романа – сложная и трагическая судьба простой деревенской женщины. Роман не обходит стороной тему любви и измены между людьми, затронуты некоторые вопросы православной веры. В книге использованы как подлинные, так и вымышленные имена, прозвища, клички героев.

Содержание

Святая Екатерина	5
Роман (в 3-х частях)	5
Часть 1. Начало пути	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Святая Екатерина Роман

**Виктор Филиппович
Фёдоров**

© Виктор Филиппович Фёдоров, 2018

ISBN 978-5-4493-5527-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Святая Екатерина

Роман (в 3-х частях)

«По зову моих предков...»

«Неуважение к предкам
есть первый признак ДИКОСТИ и
безнравственности.

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и ДОЛЖНО.

Не уважать оной -
есть ПОСТЫДНОЕ малодушие»

А.С.Пушкин *А.С.Пушкин*

Часть 1. Начало пути

Над холмами, покрытыми редкой пожухлой травой, появилась красно-золотистая половинка солнца. И хотя было раннее утро, деревня Болотовка давно уже проснулась. Бабы как с час назад подоили своих бурёнок и теперь выгоняли их в Мирской Проулок деревни, где коров собирал пастух Афоня и гнал их потом вдоль пологой, облезлой горы, навстречу восходящему солнцу. Мужики проснулись ещё раньше косить отаву. Август в тот год как никогда выдался сенокосным. Трава выросла высокой и по утрам, часов до десяти, держалась обильная роса, а потом весь день светило солнце, быстро высушивая прокосы.

В то августовское утро лишь в доме Федота происходило всё по-другому. Почему-то в Болотовке и во всех близлежащих деревнях мужики, бабы и даже дети называли друг друга не по именам или фамилиям, а давали звучные прозвища. Наверное, так легче было понять о ком шла речь, иначе запутаешься в многочисленных Козловых, Лобановых и Трухачёвых. Главой большой семьи в доме Федота был дед Егор по фамилии Федотов, откуда и пошла кличка всего их рода. Род Егора в селе пользовался с давних пор уважением и, поэтому, кличку им дали односельчане безобидную, не как у других – Кандырь, Косоротая, Козёл или Фля-Фля. Федотовых уважали не только в родном селе, но и во всей округе за их смекалку.

ку, не сварливость и особую мастеровитость. В давние времена почти все мужики Федоты умели валять к зиме валенки, а летом плести прочные лапти, что на селе было первейшей необходимостью. Теперь, правда, такой нужды уже не было и мужики перешли на плетение вершей, корзин и кошёлков из молодого ивняка, обильно росшего вдоль небольшой речушки Панды. Плетение незамысловатых кошёлков уже не приносило им того дохода и популярности, что раньше. Бабы у Федотовых были под стать мужикам – работающие и скорые на всякое рукоделие. В деревне лучше них никто не пряд пряду для пуховых платков, а за вышиванием к ним приезжали не только местные, уездные, но и купцы из самого Тамбова. В отличие от мужиков, бабы Федотки не утратили своего искусства рукоделия и поныне. Помимо всего этого, женщины и девки Федотовых отличались особой статью и привлекательной внешностью, несмотря на повседневный изнурительный труд на селе. Особенно красивой была Сашка, жена одного из сыновей деда Егора, Ивана. Вот она-то и была сегодня виновницей переполоха в доме Федота. Задолго до рассвета в окнах его дома забрезжил свет от лампы, послышались приглушённый разговор и стоны. Вскоре из хаты кто-то выбежал и в темноте, рысью, побежал на край деревни, где на отшибе села в слегка покосившемся доме жила бабка-по-

витуха Матрёна. Она была единственным человеком, кто мог в экстренных случаях принимать роды. Спустя полчаса после этого в доме Федота появился новый жилец, который оповестил своё появление громким плачем. Роды прошли благополучно и уже через два дня Сашка занималась обычными делами по дому. Мальчика нарекли редким для деревень именем Филипп.

Сашка была без малого саженого роста, пышногрудая, с округлыми бёдрами и правильными чертами лица. Внушительные габариты не придавали ей чрезмерной массивности и грубости. Напротив, она казалась по-деревенски ловкой и даже, в какой-то степени, изящной. Все дела, за которые бралась эта миловидная девка, решались споро и весело. В ту пору, когда родился Филипп, Сашке пошёл двадцать первый год, и у неё уже была трёхлетняя дочурка Клавдия. Родила она её ещё до первой мировой войны с германцами. Вскоре началась война и мужа Ивана забрали в кавалерию вместе со своей лошадью. Филька появился незадолго до революции, когда Иван был ещё на фронте, и в деревне недоумевали – чей же он сын? Ухажёров за Александрой в округе хватало. Каждый мужик не мог удержаться от соблазна, чтобы хоть искоса не взглянуть на красивую, но, к сожалению, замужнюю молодку. Поводов для пересудов Сашка вро-

де и не давала, но люди в деревне думали по принципу – женщина захочет, чёрт захохочет.

2.

В конце декабря 1917 г. по заснеженной дороге к деревне Болотовка брели два мужика, одетые в поношенные солдатские шинели и сбитые сапоги. Путь их был не близким, да и дорогу всю замело снегом, отчего они шли очень медленно, еле передвигая ноги. Дорогу им несколько скрашивала мысль близкого свидания с родными, которых они так давно не видели, да полные кисеты с махоркой для самокруток. Закуривая в очередной раз «козью ножку», они наконец доплелись до Болотовки. Пройдя середину деревни, мужики остановились, коротко о чём-то поговорили и, пожав друг другу руки, разошлись по домам. Один пришелец направился к дому Федота и, отворив калитку обветшалога забора, вошёл внутрь двора. Бегло осмотрев двор и никого не встретив, кроме выбежавшего навстречу и радостно вилявшего хвостом большущего кобеля Дружка, он прошёл в дом. Внутри хаты было сумрачно и только огоньки топившейся в горнице печурки-голландки освещали занавески окон. На печи в передней комнате кто-то завозился и стал слезать с полатей вниз, громко кряхтя и что-то бурча себе под нос. Это был дед Егор.

– Кто тут к нам забрёл? – прищурив подслеповатые глаза, спросил дед.

– Здорово, батя! Не узнаёшь или совсем перестал видеть? – ответил вошедший.

– Ох, какая благая оказия. Не ужель – это ты, Иван, вернулся целёхонький! Я уж и не надеялся тебя увидеть, такая чехарда завертелась по всей Расеи, – радостно проговорил дед, обнимая сына и вытирая рукавом слёзы. – Стар я стал и гляжу уже плохо.

– Ничего, отец, теперь легче станет, – задумчиво произнёс Иван. – Я ведь вернулся насовсем, правда, без нашего славного Воронка. Конь меня часто выносил из таких передраг. Если бы не он, я бы давно сгинул. Убили его подо мной год назад во время переправы через речку Бобр в Беларуси.

Дед Егор ещё раз обнял сына: – Хреново, конечно, сынок, что потерял конягу. Но, слава Богу, руки и ноги уцелели, остальное приложится. Лишь бы покончить с войной треклятой, а то мужику житья не стало. Не то, что лошадьё или коровой лишней обзавестись, забыли когда вдоволь ржаного хлебушка жевали, – грустно закончил Егор.

– Вряд ли, отец, будет житуха наша в ближайшем спокойной. Если не немец, то другие нас доймают. Да и чуется мне, – произнёс Иван, – скоро начнётся война со своими, брат на брата пойдёт. Да ведь она уже

началась в столице нашей, да и вокруг неё. Скоро, вероятно, и до нашей глухомани доберётся.

Немного помолчали.

– А, где все наши? – спросил Иван.

В это время в горнице за «голландкой» послышался плач малыша. Иван удивлённо взглянул на отца. Тот, не дожидаясь вопроса, проговорил: – Это, Иван, твой младшенький, Филька. А все домашние кто где. Мать в чулане возится, сёстры и брат ушли за хворостом для печки, а Лександра с Клавкой подались к Катерине помочь закончить ей вязать козьи платки.

Иван, не дослушав отца, быстро прошёл в горницу взглянуть на хныкавшего сына.

3.

Александра в это время только что закончила помогать Катерине. Она любила бывать в доме своей сестры даже в те дни, когда звали не праздновать и веселиться, а трудиться почти на весь световой день. Секрет такой любви состоял в том, что обычно к концу рабочего дня в доме Екатерины собирались все многочисленные её сёстры, несмотря на то, что трое из них жили в дальней деревне Беляевке. После незамысловатого чаепития и разговоров о житии-бытии, уходила Сашка домой почти всегда с приподнятым настроением и светлыми мыслями. Вот и сейчас, по-

прощавшись с Катей и её домочадцами, она бодро зашагала домой, не догадываясь о том, какие приятные новости её ждут там. Звонко хрустя морозным снегом, впереди неё бежала маленькая розовощёкая Клавка.

Екатерина, проводив сестру, продолжала одна хлопотать по хозяйству, еле успевая со всем управиться к нужному сроку. Свёкор и свекровь от старости были уже не помощники, а трое её сыновей были ещё мал мала меньше. Муж Сергей ещё не вернулся с деревенской сходки. Он уже несколько лет выполнял обязанности старосты большого села Шумиловка, состоящего из деревень Болотовка, Масловка, Кругловка, Лебедевка и Беляевка. Из-за этого ему часто приходилось пропадать, решая общие мужицкие дела и не всегда успевая управляться по своему хозяйству. Катерина также, как и её сестра Сашка, была статной и не менее миловидной женщиной. Все, кто её знал, удивлялись – когда она успевала, несмотря на постоянные крестьянские заботы и занятость, следить за своим внешним видом, быть всегда аккуратной и нарядно одетой. Двое её старших сыновей – Петька и Стёпка, после того как ушла тётя Шура с Клавкой, забрались на тёплые полаты у печки и, свесив оттуда свои вихрастые головы, наблюдали как внизу за печкой резвились два кучерявых ягнёнка. Чтобы новорождённые ягнята не замёрзли от силь-

ных декабрьских морозов, их вместе с мамой-овцой пару дней назад разместили за печкой. Так в деревнях поступали издавна.

– Петя, сходи посмотри Славика в люльке. Может он уже проснулся, то я его покормлю, – приказала Екатерина старшему сыну.

Пётр нехотя стал слезать с печи и босиком зашлёпал смотреть младшего брата. В доме было тепло и мать не сделала Петьке упрёка за то, что он поленился надеть старые валенки, проследовав по холодному полу босиком. Петька управился с заданием быстро и доложил матери, что Славка спит. Ему так хотелось продолжить свои наблюдения за шустрыми ягнятами, что в одно мгновение он снова оказался на полотах рядом со Степаном. Катерина в это время возилась с только что вынутым из печи хлебом. Она протирала верхнюю корку хлебов влажной тряпицей – как говорили в деревнях – «умывала хлеб», и что-то тихо при этом приговаривала, видимо специальную для этого дела молитву. Вскоре за окнами хаты заскрипели полозья саней и зафыркала лошадь. Катерина выглянула на улицу. Лошадь уже уткнулась мордой в стоявшую около её ног кошёлку с сеном, а сани-дровни были пусты. Видимо Сергей успел к этому времени проскочить в хлев, чтобы задать корм скотине. Почуввав приезд отца, Петька и Степан быстро потеряли инте-

рес к ягням и, натянув свои старые валенки и одежки, умчались помогать отцу.

– Вот, бесенята! – ласково проговорила им вслед Катерина и начала не спеша собирать на стол обед. Достала из печи чугунок со щами и стала дожидаться прихода со двора своих мужиков. Они ввалились в дом через четверть часа, о чём-то бойко разговаривая и впуская внутрь хаты много морозного духа.

– Как вкусно пахнет щами, – затараторили разом мальчишки.

– А, ещё лучше хлебным духом, – весело поддержал их Сергей.

– Мойте руки и давайте к столу, а то чугун скоро остынет, – позвала Катерина, – да пригласите к столу деда и бабушку.

Сергей, помыв руки, прошёл в другую комнату, где висела люлька со спавшим в ней младшим сыном. Славка уже не спал, но лежал тихо, бойко шевеля ручонками и чмокая губами, как будто напевал песенку. Он ещё не знал – какая страшная судьбинушка ждёт его впереди.

4.

Екатерина очень любила Сергея и своих маленьких сыновей. Будучи ещё в юных девках, она не мечтала, что этот высокий и красивый парень может её

заприметить. Он был старше Катерины лет на пять и родом из зажиточной крестьянской семьи. Она понимала, что даже если Сергей и выберет её, то его родители вряд ли захотят посвататься к беднякам. Мать и отец Кати трудились не покладая рук, но хотя бы малого достатка в доме никогда не было. Да и как он мог быть, если в их семье было семеро детей, а земельный надел – кот наплакал. Екатерина была шестым ребёнком в семье Поворовых, а через год с небольшим после неё родилась ещё Сашка. В такой семье дети выросли быстро, а вернее – рано начинали трудиться, каждый по своему возрасту. Их исключительные приветливость и трудолюбие вызывали симпатию у всех односельчан. Такие же чувства к семье Поворовых испытывал и Сергей. Да и девчужки Поварята – так их прозвали в деревне, вырастали со временем все как на подбор – статные и пригожие. К шестнадцати годам Катерина научилась делать всё, что должна была уметь делать деревенская баба и даже больше. Она лучше, чем некоторые мужики косила траву в покосы и очень ловко управлялась с любой лошадью, даже с норовистой или как их называли в деревне – самодурками. Лошади её слушались без особого понукания и крика. Прежде чем запрягать лошадь в колымагу или садиться на неё верхом, Катя долго с ней говорила негромко вслух, трепала

гриву, гладила холку и спину, а в конце ласково шептала что-то на ухо. Она любила всякую домашнюю живность, а особенно лошадей. И, видимо, эта бескорыстная любовь через какие-то невидимые нити жизни передавались лошади. Благодаря этим животным состоялось и первое близкое знакомство Кати с Сергеем. В местных деревнях, после окончания полевных работ и незадолго до сенокоса, устраивали общий праздник. Народное гулянье помогало крестьянам сбросить груз накопившейся прежней усталости от повседневных тяжёлых трудов и запастись «свежим духом» для будущих, не менее тяжких, хлопот. Венцом этого праздника всегда были скачки на лошадях. Обычно в них участвовали более зажиточные крестьянские дворы, ибо у них лошади были более сытыми и менее загнанными работой. У Поворовых кобыла Зорька была уже старой и в скачках давно не участвовала. Екатерина вместе со своими сёстрами и деревенскими девками гурьбой пришли посмотреть на увлекательное зрелище скачек. В тот год Сергей также решил поучаствовать в предстоящем соревновании. Не доезжая гурта, где толпились женщины, Сергей слез с лошади и повёл её в поводу. Настроение у него, как и у многих присутствующих на празднике односельчан, было приподнятым. Проходя мимо девочек, он игриво крикнул:

– Я слыхивал, тут у вас колдунья, вроде, имеется и может заговаривать лошадей. Слушаются они её, говорят, беспрекословно – что скажет им, то и делают. Может и моего конягу надоумит, чтоб на скачках прибёг первым? Усмехнувшись и посмотрев искоса на Катерину, Сергей прошёл дальше в сторону парней, собирающихся на скачки. Вдогонку ему понеслись всякие шутки-прибаутки с подковырками и без. Катя заметила, как многие молодки с завистью посмотрели в её сторону. Сергей в тех скачках не был первым, но в Катином сердце с того времени он таковым стал навсегда. Впоследствии они часто вспоминали тот момент и Сергей, смеясь, выговаривал Катерине за её отказ заколдовать лошадь, чтоб стать на тех скачках первым. Потом весело добавлял, что вместо коня она околдовала его самого.

– Какая из меня колдунья?! – тоже со смехом возражала ему Катя. – Просто любая домашняя животина – хоть лошадь, хоть курица, чувствует ласку и добро. Я с ними со всеми стараюсь говорить «по душам», а души, наверное, и у них есть, только они немые и ответить словами нам не могут.

Сергей всегда удивлялся глубокому смыслу слов жены, а также счастливой судьбе, что свела их вместе. А, ведь, совсем недавно их судьба могла сложиться совсем иначе.

5.

Праздник в Шумиловке закончился и снова потянулись однообразные тяжёлые будни. Ежедневные крестьянские хлопоты от зари до темна изматывали и тело, и душу так, что в сознании людей не оставалось места ничему иному, как только мыслям об отдыхе и хлебе. Катерина, несмотря на свой юный возраст, работала наравне со взрослыми бабами, а если требовалось, выполняла и мужскую работу. За всеми этими нескончаемыми делами она почти совсем не вспоминала о том разговоре с Сергеем. Жили они на разных концах села, отчего встречаться им случалось крайне редко, да и то чаще всего мельком. Редкие встречи не способствуют укреплению чувств, да она и сомневалась, что то шутливое короткое общение с ней Сергея имело какое-то особое значение для него, оставило в его душе хоть маленькое доброе воспоминание о ней. Редкие мысли о Сергее приходили Кате по вечерам, когда она ложилась спать, в короткие мгновения, пока дневная усталость окончательно её не поглощала в глубокий сон. Летом, после ужина, семья Поварят делилась на две половины: глава семьи с матерью и младшие дети укладывались спать в доме, а старшие – отправлялись на ночлег в сенную ригу и коротали там ночи, весной на остатках прошлогодней со-

ломы, а после первого покоса, на свежем душистом сене. Катя любила спать летом на сеновале. Её завораживало в ночи шуршание и дурманящий запах высушенной травы. Вот и теперь, лёжа на сене, она слушала стрёкот сверчков и наслаждалась медвяным запахом трав. Деревня ещё не спала. Слышался во дворах храп лошадей, блеяние ягнят, отдалённый говор людей. Дальний разговор мужиков и трель сверчков начинали убаюкивать Катерину. Вот уже она перестала успевать за своими мыслями и они понесли её в какую-то приятную сказочную даль. Но, вдруг, сознание Кати чётко уловило в приблизившемся разговоре вперемежку с негромким смехом парней, знакомые нотки голоса Сергея. Сон у Кати сразу улетучился. Поворовы жили недалеко от обрывистого берега речки Панды. Сюда, под обрыв, где был глубокий омут, частенько приходили по вечерам парни купаться. Наверное, и сейчас они направились туда – под обрыв, по пути рассказывая друг другу о чём-то смешном. Катя изо всех сил напрягала слух, чтобы понять о чём шёл разговор, однако, разобрать толком ничего не сумела. А как ей хотелось узнать – о чём говорит с парнями её Сергей и почему это вызывает у них смех? Может, рассказывают они о девчонках? А вдруг о ней тоже!? Неожиданно Катерине взбрело в голову – пойти сейчас на обрыв и тайком в сумерках подслушать

сплетни ребят. От такой мысли она вдруг покраснела, потому что ясно себе представила, что могла там не только услышать, но и, возможно, увидеть при свете костра, без которого не обходилось ни одно ночное купание парней. Её с раннего детства бабушка Лиза брала по воскресеньям на утреннюю службу в церковь. Храм, куда они ходили, находился в селе Трескино в пяти верстах от дома. Катерине не хотелось просыпаться рано утром на службу, но её занимали бабушкины рассказы по пути их в церковь. Эти беседы бабы Лизы оставили в её сознании глубокий благодарный след и потихоньку вели её к православной вере. Пока она себя не чувствовала глубоко верующим человеком, т.к. не все каноны церкви удавалось ей соблюсти как требовалось. Вот и сейчас, лёжа на сеновале, вдруг у неё появились такие греховные мысли, а ведь начался Петров пост. От этого Катерине стало не по себе. Но постепенно она успокоилась и незаметно погрузилась в свои приятные девичьи сны.

О ночном разговоре Сергея с друзьями Катерина узнала на следующий день от своих сестёр, когда они ворошили высохшую траву в прокосах. Две её старшие сестры – Агафья и Дарья, были по возрасту «девки накануне выданья». Отец уже не запрещал им в воскресные и праздничные дни посещать молодёжные вечера-посиделки, где парни и девчата за раз-

говорами с семечками и песнями под балалайку или гармонь, могли узнавать друг друга поближе, а если повезёт находить себе суженную или спутника жизни. Вчера как раз Ганя, так звали они Агафью, и Дарья побывали на очередных таких посиделках. Теперь, за сгребанием сена, они делились с Катей вчерашними ночными новостями. Вначале сёстры рассказывали о том, кто во что был одет и о вновь услышанных смешных частушках. Катя слушала, но в разговор не вступала, видимо, рассказы сестёр её не очень занимали. Когда же Дарья начала спрашивать сестру о Прохоре, с которым Агафья встречалась и в ближайшую осень ждала от него сватов, Катерина замедлила работу граблями и впервые проявила явное любопытство к разговору, т.к. давно знала, что Прохор и Сергей крепко дружат с самого детства. Ганя узнала от Прошки, что Сергея вот уже как с месяц зовёт к себе работать барыня Кутукова, по прозвищу Кукла. Помещик Кутуков, муж Куклы, не так давно умер от старых ран, полученных ещё во время русско-турецкой войны, оставив ей в наследство неплохое поместье и двух дочерей-двойняшек четырнадцати лет. Барыня была милостивой женщиной лет сорока-пяти, любила хорошо поесть и нарядиться, отчего походила на какую-то заграничную куклу, почему и получила у местных жителей своё прозвище. Сергея она

определила быть помощником управляющего Игнатия, поскольку тот был уже не молод и потерял былую сноровку. Сергей поделился с Прохором, что хотя он и окончил церковно-приходскую школу, умел читать и писать, всё же ему невдомёк, почему барыня позвала именно его в помощники? Ещё поведал он Прошке, что с первых дней барыня обходится с ним чрезвычайно любезно. Прохор, выслушав недоумённый рассказ Сергея, пошутил над своим другом:

– Барыня – бабонька ещё сама «груша-ягода» хоть куда! Глаз Кукла на тебя положила, поскольку мужик ты, Серёга, на деревне заметный, одного росту целый сажень.

После таких слов оба весело и дружно расхохотались. А Катерине от услышанного было не до смеха. Женская интуиция ей подсказывала, что в этой шутке есть большая доля правды. От дурных мыслей Катю отвлекли сёстры, напевавшие вчера услышанные задиристые частушки:

Вы ребята – удалцы,
Хоть чубища, хоть усы.
Ну, я ж девка – лепота,
Что мордища, что бока!

6.

Когда Александра с Клавкой подошли к своему до-

му, на улице разыгралась позёмка и повалил крупными хлопьями снег. Мохнатые снежинки, величиной с гривенник, косо падали на землю и тут же уносились ветром. Клавка пыталась их поймать, бегая из стороны в сторону от дорожки. Противный северный ветер редко позволял ей удовлетворить любопытство и как следует рассмотреть красивые сверкающие снежинки. От такой занятой беготни Клавкины щёки заалели ещё сильнее, превратив её милое личико в ярко-красный помидор, особенно заметный на занесённой белым снегом дороге. Разыгравшаяся недавно метель ещё не успела занести следы, видневшиеся во дворе дома. Сашка заметила их и поняла, что в дом кто-то пришёл не свой и даже не деревенский, т. к. оставленные кем-то отпечатки не походили на следы от валенок или лаптей. Ей даже и в голову не пришло, что этот «не свой» как раз что ни на есть – самый близкий и родной ей человек. Обмахнув веником снег с валенок, Сашка вошла в полумрак сеней. Как только затих скрип затворённой двери, она услышала радостный крик Клавки, прошмыгнувшей в дом чуть раньше матери. Сердце у Александры радостно забилося в предчувствии чего-то особенного, а в голове у неё пронеслось: «– Что же так могло развеселить дочь? Неужто близкий и родной ей человек? Может это Иван?». Сашка перекрестилась, прося Гос-

пода сбыться её предположению, и дёрнула дверную скобу в хату. Её обдало лёгким запахом махорки и самогона. Иван стоял посреди передней комнаты спиной к входной двери, держа Клавку на руках и что-то у неё шутя выспрашивал, а она весело ему отвечала. Говорили они шумно и увлечённо, отчего не услышали вошедшей с улицы Александры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.